

**Екатерина
СТРЕЛЬНИКОВА**

**ЭПОХА
ВЕЧНЫХ
ОКОНЧАНИЙ**

АО «Воронежская областная типография»
г. Воронеж, 2024

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2=411.2)6-5
С 84

Стрельникова, Екатерина Сергеевна
Эпоха вечных окончаний. – Воронеж: АО «Воро-
нежская областная типография». – 2024. – 72 с.

*Некоторые стихотворения Екатерины Стрельниковой,
написанные в 2023 году.*

*Автор этой книги надеется на сопричастие читателя
и искренне будет рад, если оно удастся.*

ISBN 978-5-4420-1149-4

© Стрельникова Е.С., 2024

* * *

холод свода, цвет летящих,
бирюзовость васильков.
тут не смотрят в лица спящих
у огонных огоньков.

спите стоя, спите, дети,
плача лопнувшей губой
через восковые сети
прямо в сумрак лубяной.

пелена течёт и мглится,
перекрёстная лучом.
спите. что-нибудь приснится
с незаточенным мечом.

отражается в ресницах
бирюзовый огонёк.
тут — схороненные лица
смотрят насквозь в уголок.

★ ★ ★

мой уверенный странный друг —
нет, конечно, не друг — знакомый, —
заступай за полярный круг
и гольцовые переломы,
где иссиня-красиво неб
мармеладки в руке у бога
заменяют насущный хлеб,
ослащая слюну немного.
я не знаю, куда исход.
мне известна крупа расщелин:
там курумников шаткий взвод
держит кряжистость еле-еле.
это пиксели. курума
отключаются взмахом века,
испаряются, и хурма
освещает лишь человека
на подошве степной межи:
он, взволнованный ветром ивы,
содрогаясь лицом, лежит,
будто вправду упал в обрывы.

* * *

Р.

Я нашла наконец-то, кому посвящать стихи,
Чтобы литерой можно украсить вот тут вверху
Озиянное царство тундры, в которой мхи
Троекратно лежат, согретые ко стиху.

Это очень удобно, что мой адресат — она.
Дорогая, одной тебе остаётся яд
Моей грубой души, от которой и сатана,
Передёрнувшись телом, брезгливо вернётся в ад.

Но тебе — ничего, потому что сильнее всех
Ты умеешь любить, и огромностью этой власти
Ты сильнее — во всём и опаснее душам тех,
Кто к тебе подошёл так близко, что вспомнил
счастье.

Дорогая, причуда в том, что глазают сташно
Ямы-очи, готовясь косами засверкать
И с любовью вложить в поволглюю чудо-пашню
Семенные макушки, лезущие опять.

ВЕЩЬ

когда делают вещь,
её делают очень ласково и с любовью.
это, кажется, закон жизни,
потому что любая идея
(прежде, чем стать вещью)
вынашивается, как ребёнок,
а плод её
появляется на свет желанным,
розовым,
округлым,
с ямочками и заломами на пухлых запястьях.

когда делают любую вещь,
её лелеют и нежат,
хотя бы первоначально.
маляр красит стену.
ему осточертела эта работа.
но когда-то
прям в первый раз,
прям впервые,
он любовно открыл банку краски,
а до этого
когда-то

трепетно подбирал будущий цвет кривоватых стен,
думая:
это я.
я творю,
я делаю что-то красивее,
а мир лучше.
я причастен.
господи, я хоть к чему-то причастен.
я умру,
а тут
останется
мазок краски,
цвета,
моего желания,
моей души.

поэтому и потом
любой взмах маляровой руки —
самый ожесточённый,
самый злобный,
приправленный острой бранью —
есть искорка той любви,
которая породила мир
в плоскости его основания.
строитель кладет кирпич.
у него есть прораб,

который обязательно крикнет:
.. твою мать, Петя,
какого ... уехал уровень!
Пётр Петрович глянет:
действительно,
сука, уровень едет вниз.
ненавижу всё.
господи, когда это кончится.
господи, да за что.
чем я виноват в этой жизни.
Пётр Петрович забыл,
что он — Петя,
который смотрит на первую сложенную им стену
и думает:
тут будет дом.
за домом будет сад.
тут будут жить люди,
похожие на моих родителей.
в одном из таких домов я возьму квартиру.
я хочу в ней ровные стены.
я построю в ней стены,
а потом приглашу маляра.
я хочу ровные отштукатуренные стены.
я хочу жить в таких вот стенах,
как эта,
только что мной завершённая.

как хорошо.
здесь была пустота, а стала — жизнь.
это сделал я.
как хорошо.
господи, как хорошо.

кирпич,
из которого сделана эта стена,
отливает завод,
но когда-то
какой-то человек
слепил свой первый кирпич,
обжѐг его,
потом ещё,
сложил из них пирамидку
и сказал:
как хорошо.
боже, спасибо, что я испытал это чувство,
это счастье: класть свою душу в то,
что сделает душу вещной.
душа должна быть вещной.
душа — это тоже вещь.
а ведь когда делают вещь,
её делают очень ласково и с любовью,
и это, кажется, закон жизни,
такой простой закон,

закрывающийся в том,
что мы любим своих детей
и что дети любят своих родителей
и любого,
кто тронул тебя рукой
и сотворил с тобой
вещное чудо.

БАБА

о, это крыши поют, их бряцающий пот
прямо на землю летит, разбиваясь о плиты.
так постоянно бывает, когда упадёт
с неба у тучи неловкой ведро и корыто —
баба! её коромыслом погладит в лицо
до синяка, по синюшному полному брюху
белый громила и зевсов потомок, в отцов
до миллиметра пошедший, до самого духа.
баба мотнёт волосами из тонкой воды
и упадёт, причитая, на пламенный город,
резко задышит, дитёнки сбегутся сюды,
будут реветь, озираясь на двери и холод
из коридора и погреба прямо под ним,
где затаился бабай и косматой лапищей
хочет в себя утащить и избить, и худым
тоже уже предназначено стать его пищей.
искорки мелких дитёнков бегут босиком
около кнутообразного рваного тела.
это от бабьего вздоха свалило рывком
столб с волосинами. в них мужиком белело.
тонко дрожат от волнений и вольт провода,
губ уголки приподняв у карнизов логих.
песнями мамонтов грустно слышны поезда —
только вокруг не стучит ни одной дороги.

* * *

шшшшшшшух. не крыло полёта.
это Октябрь и площадь,
сплошь дождевая. кто-то
пробует дождь на ощупь,
вытянув руку. лёдный.
ладно, а завтра — слякоть.
это закон природный,
чтобы к зимовью — плакать.
туча потопчет сизо
стёртой подошвой глаза
чёлки седых карнизов,
вспышкой седьмого часа —
яму зрачка: широко,
плавая в горизонте,
он полоняет око,
как раскрылённый зонтик.
молния блещет силой,
могущей склеить веко.
молния целит вилы
в голову человека.

* * *

Желтеет с каждым днем и опадает.
Шуршит и чуть похрустывает робко.
Кровавый цвет себя не называет,
Ступая промокающе и топко.

Ещё поют помятые ресницы
От сна и розоватого, и мглого.
Ещё не очень поздно схорониться
От холода забывчиво-зимного.

Покорен зябкий зяблик. Я покорна.
Нутро перехлестну и стану упряжь.
Свободна только выцветшая крона —
Опавшая, поскольку не минуешь

Судьбы, лежащих зябликоголовых
Ненужных яблок, ветреной погоды,
Падения измотанного слова
В чужие смысловые хороводы.

Лежи, лети, я рада, я сумею
Из ледоструйных выдохов озона
Соткать наряд искусной Саломеи,
Обманутой словами скорпиона.

* * *

обсевок — чёрный, и чернеет,
и станет трещиной, и пыль
из чернозёма зеленеет,
как незасевочный ковыль,
и напоённая стараньем
желто-цыпляточная ржа
раззолотилась с пониманьем,
что ей засеена межа,
что ей положено налиться,
что подойдёт пора — и ей
по жадно-жирненьким крупичам
настанет выйти из полей —
и стать хоть чем-то, чем-то нужным,
что и осьмушкой холостой
позволит выстоять под стужей
в године самой непростой;
такой судьбе, такой награде
завидно до смерти земле,
случайно брошенной — не ради,
а как песчинка на стекле,
которой больно проскребаться,
царапать плоскую слюду
и бельмовидно оставаться
у горьких ветров на виду.

КОТ В САПОГАХ

(АНТИСКАЗКА)

что за злые глаза. очень злая, скупая зелень.
впалость мёртвой улыбки — симптом поражений
трубок
околосердных. да святится мир и темень,
быстрый мороз и негреющий полушубок
шкурки кота, обзлённого. злые уши
прижимаются к кости черепа, и под глазом —
розоватый лишай мягкой звёздочкой будет слушать,
как его обозначат йодом, признав заразу.
облишаистый кот обречён не увидеть ласку.
он орёт, но не в марте, а в шею тоске опада.
он бездомный. а значит — он может в любую сказку,
отыскав сапоги, убрести погибать, как надо.
надо — ради кого-то сражаться иглой рапиры.
и во имя чего-то упасть, став большой легендой.
надо, чтобы твои глаза в очень мягкие сувениры
поместили и продавали у Диснейленда.

РОДИНА — ЭТО ЧТО?

стены, которые были тебя родней.
лампа лица, от которого шло тепло.
белый маяк на дороге морских коней.
что-то, что за ребром твоим залегло.

стены глядят колюче и бьют штыком.
лица не смотрят, чуже вмерзая в лёд.
лошадь слепая, я тонко машу хвостом
прежде, чем осторожно шагнуть вперёд.

Родина есть большая, а есть — малютка.
шарфик, у шеи скроющий наготу.
больно до горла наощупь идти и чутко
чувствовать только грустную темноту.

★ ★ ★

Сырело зарево, макая
Глаза в глазурь покатых крыш.
Мычало облако, блукая,
И шелестело, как камыш.
Наждачным панцирем обманным
Стирал камышинный снаряд
Несущих вахту постоянно
Железнопёрых ноябрят.
Туман. Вместилище обрывов,
Скользящих ног и головы,
Слегка проломленной, и взрывов
От невозможной синевы.
Туман. Блукающие плети,
И повилика, и осот,
И я, которая в ответе
За всё, что по небу плывёт.
За кнут с мычанием коровьим
И затянувшуюся мгу.
За полуночь и полнокровье,
С которым сладить не могу.

* * *

что такое куда едет поезд
что за люди не помню таких
в туалетную очередь встраюсь
я глазами улягусь на них

это плечи спина это волос
это ноги и тапочек ног
это пепельно-тихий голос
через сонно-прокисший смог

это я это зеркало паста
это кран неудобный вода
непонятно какая и часто
убегающая не туда

я не помню куда возвратилась
среди бронзовых пяток и скул
в голове разрослась и разлилась
пустота и пологий гул

это кран это красный крестик
это если рука шальнёт
остановится всё и вместе
никуда уже не плывёт

сквозь окно под глазами люда
и гримасами проводницы
просочусь и сбегу отсюда
в холмотравной росе топиться

это я наконец-то здравствуй
вертикаль головы и поле
так знакомо что вечно странствуй
до понятных слепых мозолей

★ ★ ★

чтобы видеть чётко-чётко
глаз садится в лодку-лодку
достаёт из брюк хрусталик
подставляет под фонарик

темнота хрустальна тоже
звон её бежит по коже
спотыкается о вену
уставая постепенно

лодку чешут волны-волны
чолн блестит в луне бездонной
и на ней морские пятны
тяжелы и неопрятны

глаз кладёт хрусталик в просо
звёздных сумерек и косы
молока текут до края
бесконечность заплетая

он плывёт в обратный ощуп
под покров ресничной рощи
и не знает что напрасно
он мечтает видеть ясно

просо сумерек склевала
чайка с близкого причала
и кричит хрустальным взглядом
дикой чёткости не рада

ШТОРМОВОЕ

ождается
аномальная жара
субтропический ливень
град в голову
паводок
подтопления.
ной об этом
или не ной, а готовь сапоги
лодку
ковчег
ноев.

ождается
странное время
безотносительно жара пустыни Гоби
холода Оймякона
выхода Амазонки из берегов
армагеддона Тунгусского
Чернобыльской катастрофы
войн Столетних или немного меньше.

странное время
ождается
относительно

стука сердца
серых полотен щёк
странной улыбки
скрывающей
холодную яму рта
где сжимают перила дёсен
узор
белых античных балясин.

дорожает уголь, вода и хлеб
дешевеют зрелища и убийства.
Цезарь, решай судьбу
побеждённого человека.

Цезарь бросает вниз
палец большой и крепкий
но отрезанный Марком Брутом.

Брут вытирает нож
от крови чужой
чтобы своя на нём
чуть позже была краснее.

ожидается странное время
брутов и плача
потом — неверия и распятий.

а Цезарь
держит кульпяпкой руки кубок
улыбается
странной улыбкой
скрывающей
холодную яму рта
и ожидает
смс
от гидрометцентра.

* * *

я пришла и сажу на полу,
потому что он ближе дивана,
потому что в пустую золу
не надышишь огня и тюльпана,
потому что не важно ничто,
и рука, проходящая в стену,
это знак истончения — то,
что для жизни неприкосновенно.
загулял по порожку сквозняк,
хлобыхая окошками нервно.
я обычный Иванька-дурак,
а возможно — морская царевна.
отдавайте мою чешую,
раз я жить на земле не готова.
я её до кости прожую,
до глубокого сердца земнова.

* * *

громыхало лето, громыхало,
громко шевелило круглым глазом,
раздирало нервно опахало
душно-хризантемового газа.

широко шагало, под ногами
ощущая трепеты мычаний,
но за перекошенными ртами —
безъязыкий полон умолчаний.

уходи, громада и скалистость,
пешеходам льющая на темя
солнечно-опасную лучистость,
эрозивно-каменное время.

жёлтое, неискреннее чадом,
забирай удушливость чужую,
дай скорее шорохи опада
и распада верность золотую.

* * *

всю ночь жужжали самолёты,
летели, падали, летали,
зевали юные пилоты
и ничего не понимали.
я не спала и понимала:
жужжат титановые птицы.
я не спала и ожидала:
ничто наутро не случится.
жужжат назойливые мухи,
как кот, ласкается рассветность,
и бегемотом толстобрюхим
крадёт облачко и тщетность.
отторгло райское гнездовье
таких вот птиц, оставив шалость
гудеть на чьё-нибудь здоровье
и невозможную усталость.

* * *

кот висит на сломанном заборе —
это его фото со словами:
Васька потерялся. Ваську жалко.
принесите Васеньку обратно!

у него грустнящие глазищи,
будто он предчувствовал потерю
самого себя между домами
в чьей-нибудь замызганной каморке.

Васька потерялся. это стоит
прокричать по миру, потому что
ни один не должен потеряться
с грустными огромными глазами.

Васька смотрит пристально, зовуще,
он предупреждает от чего-то:
видимо, что можно потеряться
только не специально, а иначе —

дураки вы, люди-потеряшки,
по углам забитые, в сторонку
тихо уходящие от друга
в темноту ползучих одиночеств.

эту покосившуюся запись —
взять бы в руки, выпрямиться стягом
вместе с ней — и крикнуть: замолчите!
Васька потерялся, идиоты!

* * *

судьба ведёт всё время к одному:
быть ученицей у самой себя,
и если я ничья, то это лишь
свобода от обязанности лю.

садись, сегодня двойка. ты плоха
в печальной неуёмности своей,
и золото волос, и зелень глаз,
и пряность сил — запрячь и не кажи.

а кажешь — будь, пожалуйста, добра
к любому, кто окажется недобр,
и помни: ни совета, ни руки
тебе навечно не у кого взять.

урок тебе понятен? хорошо.
бери тетрадь, записывай: всегда
гляди в зеркальный полон без вины,
топись в нём, но выныривай — и в путь.

* * *

припасть к холму,
получше пристреляться —
но не в горизонталь, а в глубину,
которая похожа на волну
дождя, в неё готового прорваться,

пролиться
через камни мостовых
и сквозь голов резиновые кости —
ведь даже не суглинок; впрочем, бросьте
сейчас за текстом вщупываться в них,

искать провал —
не глаза,
а пещеры —
не рта, а каменистости горы
(не выиграть победу у игры,
которая запутана без меры) —

и остаётся только благодать
впивающейся в землю
хрященосной
промятой головы,
ещё не взрослой,
ещё не отвердевшей умирать.

* * *

Не дерева ветвь, упругая нить борозд, —
Тропа горизонта ломкая, как хворост.
Ровнейшая грань, отделяющая сейчас
От ласточек и от коршунных острых глаз.

Над полем глаза повисли до нижних век,
Едва наморгавших крысу, а человек
В красной толстовке, вышитой синевой,
Встав посередке, крикнул: и я с тобой!

Ветрено, и любую уносит речь
Морем — ковыльно-щёкотно перетечь
В пух одуваннный, семечко, и осот
Зубками тонкими красный закат сосёт.

Коршун лежит на волнах, качаясь на
Струях воздушных, сильных, как борона
Пашет фактурность поля, пока оно
Гумусом укрывает земное дно.

Ласточки плещут лужные облака,
Всё заливают тоннами молока,
Будто корова — небо, и к ней телок
Грустные глазки, мукая, приволок.

★ ★ ★

Я помню пальцы небосвода —
Нарочно длинные — и их
Пластины мягкого обвода
Ногтей глазасто-голубых.

Такое небо — голубое.
Таким же цветом синева
Торчит, шумя и беспокоя,
Из золотого рукава.

И тянет, тянет каплю пальца,
Иссиня-плоский ноготь-лёд
С неловким видом постояльца,
За ночь дающего расчёт.

Хватайся ртом, и как младенец
Держи беззубым нёбом неб
Десятикратность, шорох мельниц,
Колосья, сыплющие хлеб.

* * *

По этой тропе убегают травинки
Большой многоножкой, плутающей в пыли,
И запахом тайной предутренней кринки
Туман красит волосы в старые были.

Река крепко спит, из себя выдыхая
Согретые тонны воды, — и дымится,
И неумолимо в себя поглощает
Всё новые, новые, новые лица.

Они здесь не спят, а идут — всё под воду,
Под ноги подрубленных ивок преклонных.
Дорога одна. Ни моста и ни брода:
Не жить и не бродствовать в царствах затонных.

А если и бродство — то в шаге последнем:
Пекущее солнце встаёт абрикосом.
Не вспахано поле. За щёботом летним
Берутся за ночь серповые морозы.

* * *

Пёс лает, попадая в такт
Хрипому шороху сарая.
Потом он дышит, а слюна
Ему же в такты попадает.

Он ждал, когда его творец
Придёт, почешет нос и уши.
Он лаял, только наконец
Стал совершенно равнодушен.

* * *

Кое-как дожили до весны,
Скоро и до лета доживём,
Кое-как ложатся наши сны
На глазной — сквозь яблоки — проём,
На кусок забытого стекла
На витрине неба, где за ней
Полоса, конечно, утекла
Солнечно-молочных пряных дней.

Там же, сидя прямо и верхом
На горбатой призме коромысл,
Кто-то, постоянно незнаком,
Сохраняет правильность и смысл
Тех вещей, которые берут
За шкибот, роняют с берегов
В неподвижно-квакающий пруд
Под прогалы сломанных мостов.

Ква! — сказала небо, и сверчки
Громче глушат уши, чем прилёт,
Скоро мы посадим кабачки,
Скоро я умру наоборот —
В рост — босую меру тополей,
Пух — косую сажень одеял,
В кое-как положенных людей,

В кое-что, сцепившее прогал,
В непустые звоны непустот,
В незиянность дна и кое-чта...

Будет кое-зимье, кое-плот,
Окоём, коёмкость, немечта.

* * *

С берегов неизвестно каких — да тебе и неважно —
Посылаю такой безымянный поклон, чтобы ветер
Растрепал его по городам, по Эльбрусам влажным,
Растерзал чувством голода на рассвете.

Наклониться уместно, когда перпендикулярны
Две ступни относительно скорости девять-восемь.
То есть ты не идёшь под откос у земного шара,
Ты спокоен и ровен. Ты осень.

Ты — смирение, кладезь пустот, и прощённость
Оказалась доступна каждому, кто прощает,
И дыхания громкая затруднённость
Одеяльцу лёгкого не мешает.

★ ★ ★

Здесь будет светлый текст.
Возьми его губой.
И белостью невест,
И тонкой красотой,
И лёгкостью синиц,
Запрыгнувших на куст,
И холодом страниц,
И розовостью уст
Наполни, наполняй,
Держись, копи лучи —

Но только не стреляй,
Но только не кричи.

* * *

Каждое слово, вставшее поперёк,
Землетрясение горла, ладоней, губ —
Это всё ты, нестабильность ног,
Поражённый зуб.

Ты — нестабилен. Изменчив и изменён,
Ты и в душе своей, кажется, наугад
Бродишь как призрак, собственный страшный сон,
Полураспад.

Полураспад плутония — ерунда.
Полураспад тебя — миллионы тонн
Из лучевых болезней, расколов дна,
Отчуждённых зон.

Лишь изотоп любви сохранит ядро,
Чтобы питать земное, расшевелить
Тёплую лаву, выжечь большим тавро
Устремлённость жить.

В этом — источник нити, огня, накала.
Свет, первый плач галактик и их границ.
Сверхсингулярность мира на дне Байкала
Твоих глазниц.

* * *

Там в конуре — собака
Прядает ухом.
Снится ей гон, атака
И запах лука.

Снятся кролы и зайцы,
Забор плетёный,
Ласковость тёплых пальцев
И свет топлёный.

Кличут собаку властно —
Почти что имя.
Имя равно богатство
Перед другими,

Кто перед домом бродит,
Слепя резцами,
И постоянно сводит
Концы с концами.

Имя равно «я нужный»
И «я к коленям
Доступ имею, дружбу
Благословений.

Я на цепи — сильнее
Лесного воя.
Я его не жалею,
За ним — пустое».

Видно его не сразу:
В ночи прогорклой
Злым и ничейным глазом
Он смотрит в окна.

НОКТЮРН

Когда во сне летает ребёнок,
Все говорят, что он растёт.
Когда во сне летает взрослый,
Никто ничего не говорит,
Потому что сам взрослый
Не бежит утром к маминой кровати
Рассказывать о том,
Какой, оказывается, земля смотрится
Глазами птичка.
Когда во сне летает взрослый,
Он просто просыпается немного легче головой,
Чем уснул.
Он думает (если не забывает вспомнить):
О, интересно, ну надо же.
Будь проклята эта жизнь.
Вот бы в сон,
Вот бы обратно,
Вот бы не просыпаться.

Когда во сне летает взрослый,
Может быть, он стареет?
Настанет миг смерти,
И взрослый снова полетит
(По крайней мере, так принято говорить).

Он полетит на свет,
Как мотылёк,
Чтобы умереть окончательно
(Как мотылёк — тоже).
Там его кто-то будет ждать
(По крайней мере, так принято думать),
Обязательно белый,
Попросит вытащить красное сердце,
Положить на чашу.
Освидетельствовать его тяжело,
Потому что билось оно
Коряво и не всегда там, где надо:
Скакало от горла к пяткам
И обратно,
А в груди разрывалось,
А потом сшивали его хирурги
Очень криво и спустя белые рукава.
Да и вообще —
Сердце немного грязное,
Нечистое,
Знаете, такое вот —
Запачканное,
Гангреновидное,
Ороговевшее даже.
Стыдно мазать им белую чашу.
Стыдно, стыдно.

Пошёл-ка я отсюда.
Покажите лифт
До цокольного этажа.

Я летала сегодня во сне.
Я обнимала четвертинку трёхлапного пианино,
От которого осталась только одна лапа.
Это педаль,
Которая делает звук
Тише и чуть-чуть дольше.
Самая ненужная по своей сути.
Это педаль пианино «Ноктюрн»:
Оно больше, чем «Ростов-Дон»,
Глубже звучит,
Больше походит на старый тяжёлый гроб,
И его тоже могут нести
Только шесть человек
И только (чтобы не умереть от натуги) —
С весёлой улыбкой и танцами,
Как в том замечательном меме.
Так вот,
Я обнимала четвертинку трёхлапного пианино
«Ноктюрн».

Я стояла на его левой ненужной лапе.
Я умудрилась обхватить его крепко-крепко,
Потому что иначе — тоже полёт,

Но лично мой
И вниз.
Мы летели над миром
Зелёно-голубого оттенка,
Над этим красивым миром,
Который не есть мир.
Я стояла на лапе пианино «Ноктюрн»,
А руками держалась за его угловатое скользкое тело,
Поэтому я не знаю,
Кто играл музыку,
Ведь мои пальцы
Были заняты
Вцепливанием в плоский блестящий бок.
Но кто-то играл
На кусочке трёхлапного пианино «Ноктюрн»,
Даже выходя за пределы
Сохранившихся в нём
Субконтр, контр и большой октавы,
И эта музыка
Обнимала мир
Так же,
Как я — четвертинку грустного пианино.

Наверное,
Это и был ноктюрн
Как музыкальный жанр

И элегия по проносящемуся пространству.

Я подумала:

Как красиво.

Как красива

Эта музыка,

Как красив

Мир,

Как не хочется никогда падать,

Как хочется лететь вечно.

Крышка над клавиатурой

Была открыта,

Но клавиши не шевелились.

Может быть,

Никто и не играет

На трёхлапом пианино «Ноктюрн»,

А эта музыка,

Эта прелестная музыка,

Почти хорал,

Почти месса,

Почти пасхальный тропарь,

Почти воскресе из мертвых,

Почти смертью смерть поправ —

Это в моей голове

Свершающееся событие

Мирового масштаба,

И это в моей голове
Миллиард клавиш и голосов
Нажимается сам собой
И разжимает чьи-то губы.

И это я,
Обнимающая затёкшими руками
Бочок четвертинки трёхлапного пианино «Ноктюрн», —
Пою, не слыша себя саму
И нарекая всё
Стать миром:
Круглым,
С собственным ровным бочком,
Не изрытым ничем
И не откушенным чужими ртами,
Которым уж точно
Не снится по ночам
Бочок четвертинки трёхлапного пианино «Ноктюрн»,
И которые не думают утром о том,
За что им
После такого полёта,
После такой летящей во сне жизни —
Раскрывать глаза
В полном молчании,
В полном глубоком молчании скорбного мира,
Где за окном

Маленьких птиц
На проводах в дождь
Убивает током
Замыкание
Нотного
Стана.

* * *

В страшных ночных кошмарах краснеют звёзды.
Я просыпаюсь с криком в тугом бреду.
Кажется: очень ласково, очень просто —
«Катя» — меня позвали, и я иду.

Ненасыщённость именем — самый ржавый
Нож через горло: внутрь и поперёк.
Я его не услышу, и вся держава
Тоже его не слышит за громом ног.

Им отзовутся травы в тиши качаний
И перельются тоненькие ручьи.
Морок чужеголосий и умолчаний
Всё растворяет в солнечные лучи.

Вздых, пережат от горла глухого звука
Тихой стрелой — до кончика языка.
Кажется, я взяла бы любую руку,
Если бы протянулась ко мне рука.

★ ★ ★

Сперва исчезнет мягкость в знаках,
Чуть позже — твёрдость, и наверно
Падут и буквы мягко-мягко,
Падёт и всё, и будет скверно
В душе твоей, пока не скверен
Ты сам. Внутри ещё пространство
Болезь, загнить, отбросить тени
Немного есть. И есть полцарства
Твоей женитьбы — только мало
Полцарства, если глас Империй
Зовёт к себе — и всё сначала:
От идеалов до материй.

Берёшь в котомку мягкость знака,
И мягкость глаз своих, и жёсткость —
И память комкаешь: измята,
Она верней — твоя. А лёжкасть
Её пускай проверят вёрсты,
Вишлист вершин непокорённых,
Где так же плоскостно и чёрство
Лежат тела в себя влюблённых,
И рядом с ними мнётся память,
А поцелуи как кутёнки
Дрожат, и розовая замять
Очертит палец тонкий.

И только знаки — мягкость, твёрдость —
Рассыплет вьюга, и по горам
Из рваной сумки брызнет гордость
Любой равнинности укором,
И пляшут реки, разбегаясь
По городам, домам и странам,
И плачут сумерки сморкаясь
От счастья верить — неустанно,
Непрекращающе и смело, —
Что вслед за запахом лавровым
Ещё придут — и сбросят тело
Приманкой новым.

ФОНАРЬ

(ИЗ ЦИКЛА)

Если огонь загорелся и стал — маяк,
Это причина-следствие одного:
Ход кораблей осложняется, им никак
Не обойтись в миграциях без него.

На маяке — смотритель. Он бросил пить.
Он протрезвел и не понял, зачем живёт.
Брошенно и забыто придётся плыть
Двум кораблям сегодня в чернилах вод.

Будет другой: маяку он заедет в глаз,
Тот, как ребёнок, заплачет — «слезу утри!» —
И от обиды зажжётся в ненужный час,
Только в секунду нужную — догорит.

Что кораблям от того? Капитаны в них
Лезут к штурвалу — «сам!» — и хотят сберечь
То ли надежду на смелость в зубах морских,
То ли судёнышко, чтобы не смело течь.

* * *

Весна. Эпоха уезжаний.
Подъезд наскрипывает тонко.
От дсп-переживаний
Скривился шкафчик-распашонка.

Слепая кухонька не плачет,
Глазами землю поверяя.
Она не выживет иначе —
И не горюет, умирая.

Выходит бабушка из двэри,
Выносит старые рисунки,
И суффикс домика и звери
Глядят рисованно из сумки.

Простится с лавочкой партера
Старушка вздохами молчаний.
Весна — постсуффиксная эра,
Эпоха вечных окончаний.

* * *

Ваш брат теперь безрукий мученик.

В.М.

1

Не все пожалели рученок.
Бывают и птицы — вороны, —
Которые тьму могучую
Несут на четыре стороны.
Сбежать от них — не успеется.
Петля надо мной нависла бы,
Я стала б огромной мельницей
С косичками-коромыслами.
С такими в разливы лунные
Боролись, сердцами тонкие,
Такие же полоумные,
Такие же недалёкие.
И если мы сумасшедшие,
То, может, как раз безумие
Повергнет с небес сошедшее
Смертельное полнолуние.
Обнимет, поставит рядышком
Всех тех, кто казался трезвыми, —
И руки их в мягких варежках
Окажутся вдруг железными.

2

Но только, пожалуйста, не твоя

Рука.

Сбереги себя, как родную речь

Призывала навеки и на века —

Тоже Анна, как родина, — уберечь.

Я прощаюсь с тобой — это будет снова,

Или, может, не будет — но постоянно

Я тебя призываю: своё слово

Проведи за собой через все туманы.

До свидания, друг. Оглянись, чтобы

Я в тебя посмотрелась — и отвернулась,

Отправляясь вперёд — только в путь добрый, —

И, конечно, потом вернулась.

* * *

Бессердечие бытия:
Не услышан никто никем.
Что хочу я от мира — я! —
Раз не понят Володя М.
Бережёного бог сберёт —
А поэт невдомёк судьбе.
Остаётся один итог —
Поступить как Серёжа Е.
Переходов и переправ
Не считать: утони — и всё.
Саша П. был безмерно прав,
Подгадав для себя ружьё.
Саша Т. у дороги дом
Завещал — мы снесли этаж,
Саша Б. умирал Христом...
Сколько в мире таких вот Саш!
Сколько нас, безымянных сих,
Передёрнет любой затвор,
Если слово людей таких
Не запомнилось до сих пор.
Остаётся один итог —
Научить себя понимать,
Что останутся невдомёк
И слезинки каких-то Кать.

* * *

(ИЗ ЦИКЛА)

1

Не спрятаться в сумерках парковых
От внутренней полыньи.
Синицы поют одинаково
На всех сторонах земли.

Вот — город. В меня он влюбчивый.
Он красен, печален, стар,
И башен его уключины
Окутала береста.

По каждой тропе нехоженной,
Которая суть — мосты,
Я тихо и настороженно
Петляю свои следы,

Поскольку давно преследует,
Рассеянна и бледна,
Меня с требухой и бедами
Горчащая тень одна.

И ей безразличны поступи
Любых коренных столиц.

Ей главное удовольствие —
Подать в миллиарде лиц

Твоё, чтобы снова вздрогнула
У башенок всех Кремлей
Холодная я — и волглými
Путиями ушла скорей.

2

Левой, левой — вправо, прямо,
Отступай, молчи, ложись,
Расступайся, вся держава,
Не на шутку, а на жизнь.

Спуск, понтонная застава,
Кони, люди, провода —
Переправа, переправа —
Ни туда и ни сюда.

Дно реки мельчает, к стенам
Подымая на штыках
Переломанные крены
Новых сгибов на руках.

А ногами всё шевелят
И шагают в кислород,

Попадая пяткой левой
По незыблемости вод.

Рассечённая багряность
На закате — холодной,
Чем походная усталость
И брыкания коней.

Тонко плачущая лошадь
Где-то рядом в красный век
Поскользнулась, и хороший
Ей нашёлся человек.

Век не красный — только топкий
И болотистый грядёт.
Влево сдвинулись верёвки.
Всё идёт.

* * *

Мы не широкие шинели,
Мы не подогнанны к плечам,
Нас отдавали — мы висели:
Чужие тут, не в руку там.

Меня накинули на спину
От перспективы сквозняка.
Меня неправильно носила
Чужая мягкая рука.

Я — чья-то вещь. Меня отдали
С пустой петличкой — догореть.
На спинке стула я едва ли
Могла кого-нибудь согреть.

Наступит срок — я буду призрак, —
Мне покорится сторона,
Где ты — пустырь, а не Отчизна,
Где ты мне — ложь, а не вина.

* * *

Воскресшим и мёртвым
Невидимы листья
Зелёного цвета,
Зелёной свободы,
Они вспоминают
Ушедшие лица
За миг до опада
И шаг до ухода.

Идёт листопадов
Шуршащая эра,
Берёт и бросает
На землю окурки,
Которые лягут
В засохшее тело
Шуршащих снопов
И курганов нечутких.

За их горизонтом
Покато, сердито
Метла опустила
Колючие плечи —
Смела, отдохнула —
И не погрузила,
Что все позабыты
Навечно.

★ ★ ★

Впору проснуться, ступать до своей весны —
Не окончательно сгладил метельный ветер
Тропку в хребте сугроба, его спины
Каждый давно изогнутый сантиметр.

Есть я и Родина. Мы отступили вбок
И на обочине выюжной стоим, когда
Где-то опять рождался ребёнок-бог —
Но оставался впаянным в холода.

Воздух суровой нитью вязал узлы:
Петли, шнурки — или галстук, тебе к лицу.
Люди всегда красивые и не злы —
Просто всегда испуганные к концу.

Узел берёт запястье, а я беру
Родину за руку. Милая, хватит спать.
Эта перина — красная поутру.
В ней невозможно с почестью почивать.

Гвоздь кем-то брошен для мяса тугих колёс —
Он их ужалит, проржавлен, заразно-плох.
Этот же гвоздь под полою давно принёс
Вместо игрушки ребёнку какой-то волхв.

Этим гвоздём я прибита к своей стране,
Вот и болит её кровь за моим ребром.
Нынче не Ироды — праведные вполне
Лезут к малютке в ясельки напролом.

* * *

Мерцает стекло. Через капельные заливы
Дрожащий провод и ветка обрезанной сливы
Идут поперёк, достигая своё — каждый:
Исток электричества, неба покой влажный.

Упругость их прямоты, трепетность амплитуд
Никак не похожи на дрожь. Они идут,
Потому что должны быть созвучными переходу
От начала — к концу и от жизни — к её исходу.

Дождь январский — всего лишь расстывший снег.
Его снеговик — поскользнувшийся человек
На луже, не замерзающей потому,
Что замерзать по-прежнему ни к чему.

И ни к кому. И никому не расскажешь, что
Похоже так на сухое — на свет — вино
Пространство неба перед рассветом, в котором дно
Слегка виднеется, топкое всё равно.

ТЕБЕ ПОСВЯЩАЕТСЯ

1

вечер — время отказа от хода времени.
когда за окном темно,
сквозь отражённый кумпол большого темени
клюнулось вверх зерно.
выползло, траворостное, к телу луны безглавой —
точно, что не Луны у земной орбиты.
корни его ручьём первородной лавы
стынут на подбородке, как сталактиты.

2

корни текут ручьями и лезут в руки.
зёрнышко прорастает до пыли пола.
тёмнооконность смотрит в меня, от скуки
переминая звёздный мешок помола.
странно плетёт во времени Калидасы
тьень, удивлённо видя во мне чего-то.
а за спиной проросшей чужая ряса
остро заблещет лезвием и осотом.

3

ночь. темнота над городом села в лодку.
окна мои — причал. забрала — спасибо.
куколку плеч прижала и, как сиротку,
ласково донесла до речного сгиба.
эта река — не Стикс, но почти и рябый.
я поползу к тебе через эту воду.
я — полонённый камень. но ты хотя бы
радуйся, незнакомый такому броду.

4

радуйся, заклинаю, и будь покоен,
будь неизменно счастлив и этим свят.
это — моё проклятие и благое,
хочется верить, знамение не в ад.
больно от невозможности ставить звуки
вместе с тапёром искренностью чебэ.
эти слова печатают те же руки,
что и для Лили, Биче или М.Б.

5

ты прочитаешь всё краем ресницы. боже! —
я его благодарю,
что на минуту, может,
придумаю мысль твою.
звёзды идут в объятья,
выстроив караван.
я не даю гарантий,
что русло — не ванный кран.

6

камню идти ко дну начертали свыше.
это не значит, что камню всегда нормально.
каменная трава проросла и дышит
под замутнённым берегом ирреальным.
я раскрываю руки, качая волны
в собственной обнимательной пустоте.
белые корабли превратились в чолны,
виснущие немачтово на кресте.

7

утро идёт негромко. я слышу шорох
от четырёх сторон городского цвета.
здравствуй, мой постоянный и чуткий Молох.
я возвращаюсь снова с иного света.
кто ты такой, стоишь и покойно точишь
лезвие острое, весь в плаще.
всё, уходи. до следующей страшной ночи.
и до всего вообще.

8

утром светлеет воздух, рисуя окна,
через стекло которых видна роса.
стены пропахли тиной, и их волокна,
мягкие, режет блещущая коса.
около рук безвольно, как ткань, опали
коконы кольцевидные повилик.

время ведёт, как пса, по горизонтали
красноватый крик.

СОДЕРЖАНИЕ

«Холод свода, цвет летящих...»	3
«Мой уверенный странный друг...»	4
«Я нашла наконец-то, кому посвящать стихи...»	5
Вещь	6
Баба	11
«Шшшшшшшшух. не крыло полёта...»	12
«Желтеет с каждым днём и опадает...»	13
«Обсевок — чёрный, и чернеет...»	14
Кот в сапогах	15
Родина — это что?	16
«Сырело зарево, макая...»	17
«Что такое куда едет поезд...»	18
«Чтобы видеть чётко-чётко...»	20
Штормовое	22
«Я пришла и сижу на полу...»	25
«Гроыхало лето, гроыхало...»	26
«Всю ночь жужжали самолёты...»	27
«Кот висит на сломанном заборе...»	29
«Судьба ведёт всё время к одному...»	30
«Припасть к холму...»	31
«Не дерева ветвь, упругая нить борозд...»	32

«Я помню пальцы небосвода...»	33
«По этой тропе убегают травинки...»	34
«Пёс лает, попадая в такт...»	35
«Кое-как дожили до весны...»	36
«С берегов неизвестно каких — да тебе и неважно...»	38
«Здесь будет светлый текст...»	39
«Каждое слово, вставшее поперёк...»	40
«Там в конуре — собака...»	41
Ноктюрн	43
В страшных ночных кошмарах краснеют звёзды...»	50
«Сперва исчезнет мягкость в знаках...»	51
Фонарь	53
«Весна. Эпоха уезжаний...»	54
«Не все пожалели рученок...»	55
«Бессердечие бытия...»	57
«Не спрятаться в сумерках парковых...»	58
«Мы не широкие шинели...»	61
«Воскресшим и мёртвым...»	62
«Впору проснуться, ступать до своей весны...»	63
«Мерцает стекло. Через капельные заливы...»	65
Тебе посвящается	66

Екатерина Стрельникова
ЭПОХА ВЕЧНЫХ ОКОНЧАНИЙ

Печатается в авторской редакции

Подписано в печать 7.06.2024 г.
Формат набора 70Х108/32. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 9,3.
Заказ № 735. Тираж 300 экз.

Изготовлено по заказу ООО «Пресса ИПФ».
304006, г. Воронеж, ул. Челюскинцев, д. 143.
Отпечатано в АО «Воронежская областная типография».
394071, г. Воронеж, ул. 20-летия Октября, 73А.